

Виктория Блиндер

Столкновение... с прошлым

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
Б69

Блиндер В.

Столкновение... с прошлым / В. Блиндер — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 167 с.

ISBN 978-5-532-05141-6

Героиня романа попала в автомобильную аварию. Она выжила после клинической смерти но с этого момента в её жизнь ворвались сны, в которых она стала свидетельницей событий, происходивших задолго до её рождения. Невольно наблюдая за чужой жизнью, героиня романа понимает, что это ее прошлая реинкарнация, и неожиданно находит ответы на вопросы, которые у неё накопились. Героине приходится пережить во сне как наяву аншлюс в Австрии и гибель в концлагере... В романе описываются исторические факты, которые являются достоверными. Мистика и реальность сливаются воедино.

От автора. Все действующие лица в этой книге, за исключением известных исторических фигур, — вымышленные. Их высказывания, в том числе и высказывания героини, от лица которой ведется повествование, являются их личной точкой зрения и, разумеется, не претендуют на то, чтобы быть истиной в последней инстанции.

*Нет у меня для вас ни слова,
Ни звука в сердце нет,
Виденья бедные былого,
Друзья погибших лет!*

*Быть может, умер я, быть может —
Заброшен в новый век.
А тот, который с вами прожит,
Был только волн разбег,
И я, ударившись о камни,
Окровавлен, но жив, —
И видится издалика мне,
Как вас несет отлив.*

В. Ходасевич

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

Козьма Прутков

ГЛАВА 1

Меня охватило состояние полного покоя, когда я сверху рассматривала свое тело. Вернее тел было несколько, и мое ничем не отличалось от других.

Внизу были две разбитые машины и тела...

Ощущение легкости толкало меня к свету, от которого исходило тепло и любовь. Я ощущала, что могу двигаться в пространстве. Между мной и светом был длинный туннель. И вдруг я увидела карту жизни. Она была необычной, круглой, и плохие поступки там переплетались с хорошими. Причем хорошими считались те, которые совершались без всякой мысли о вознаграждении, а плохими те, что делались умышленно. Перед тем, как войти или, правильнее сказать, влететь в туннель, я в последний раз взглянула на свое брэнное тело. Оно было безжизненное и чужое, и расставание с ним не приносило боли. Оно уходило в прошлое, а впереди был свет. Уже подлетая к нему, я услышала голос:

– Твой путь не окончен – возвращайся.

Голос не предлагал, он настоятельно требовал – возвращайся. Я открыла глаза. Вокруг белые стены и люди. Чужие люди... Они говорили обо мне. Я слышала обрывки фраз: «появился пульс... она открыла глаза... дышит... жива...» Мне хотелось встать, но тело не слушалось, оно было тяжелым, неподвижным. "Который час?" – собрав все силы, спросила я у людей, которые были рядом. "Без двадцати двенадцать", – ответил мне стоявший рядом мужчина, и обращаясь к кому-то другому, повторил: "Слава Богу, жива". Прошло больше двух недель после аварии. К этому времени я осознала, что из людей, сидевших в двух машинах, я единственная осталась в живых. Это было чудо. Из машины, которая уже практически не существовала, меня достали с сотрясением мозга. И едва я пришла в сознание, в тот же день выписали из больницы, объяснив, что лежать можно и дома. Болей я почти не ощущала, но собственное тело казалось мне тяжелым и неудобным. В голове все время кружились строчки Тарковского:

Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки,
Душе осточертела
Сплошная оболочка.

Память вела себя очень странно, она вдруг выкинула все, что было связано с аварией, кроме ощущения полета и света. Казалось, что кто-то дал команду: "Стереть", и жизнь моя разделилась на две части – до и после.

В машине я оказалась случайно, погибших я практически не знала, просто нам было по пути, и они взяли меня подвезти. Никто не мог предположить, чем окончится эта поездка... Когда сразу после аварии мне сказали, что через неделю-другую я вернусь на работу, в это мало верилось. Хотя оказалось правдой, и через некоторое время моя жизнь внешне ничем не отличалась от той, что была до аварии. Но только внешне...

Что-то поменялось во мне. Я не могла избавиться от ощущения легкости. Мне казалось, что тело мешает, что без него можно лететь. Материя отходила на второй план, пропуская вперед дух. Особенно мешала ватность ног. Лежа с закрытыми глазами, я видела манящий к себе свет, который приближался и окутывал меня, как одеяло. Наступало состояние покоя. А утром надо было вставать, готовить завтрак, кормить мужа и детей, бежать на работу, возвращаться, снова готовить, убирать, разговаривать о школе... Все как обычно, и только внутри вдруг появилось ощущение, что это только суета сует.

Мне стала преследовать постоянная усталость, хотелось лечь, закрыть глаза и летать. Постепенно полеты стали заносить меня в какой-то город. Вначале я видела сверху контуры, потом появилось желание приблизиться и осмотреться вокруг. Во мне стали бороться два чувства. С одной стороны, мне безумно хотелось попасть в этот город, с другой – я интуитивно боялась этого, мне казалось, что я могу увидеть или узнать нечто, что навсегда нарушит мой покой. Но город манил меня, и каждый раз становилось все тяжелее и тяже-

лее возвращаться, не побывав в нем. Несколько раз я приближалась к нему настолько, что можно было различить постройки в готическом стиле, разделенные рекой на две части, огромную крепость и соборы. Причем внутреннее ощущение говорило мне, что это католические соборы. Я вдруг почувствовала родство с этим городом, почувствовала, что я уже здесь была... жила... Когда-то очень давно, так давно, что было трудно вспомнить, когда.

И снова моя жизнь разделилась на две части – ночную и дневную. Днем я жила повседневной суетой, а ночью пыталась повернуть память назад.

Через какое-то время я привыкла к этим полетам и почти перестала их бояться. Наверное, любопытство пересилило страх, и в какой-то момент я, пересилив себя, приблизилась к городу настолько, что контуры превратились в конкретные строения. Я разглядела крепость, улицы, площади. Мое внимание привлек памятник. Это был памятник молодому мужчине с пером в руках. У меня возникло ощущение, что мне знаком этот памятник, но приблизиться и прочитать, кому он поставлен, я побоялась и полетела назад. Видимо от этого страха я проснулась. Было пять утра. Вставать было еще рано, и я сделала попытку снова уснуть, но мне это не удалось. Я снова закрыла глаза и полетела, и передо мной стоял памятник мужчине в развивающемся плаще.

С этого момента все превратилось в пытку. Хотелось вспомнить, откуда мне знаком этот памятник, но я не могла. Я была уверена, что я никогда не видела его. Этот парадокс, что с одной стороны, он знаком мне, а с другой – я никогда его не видела, стал давить на психику. Где-то глубоко внутри появился страх, что это последствия сотрясения мозга, и мысль, что, наверное, стоит обратиться к врачу. Мне стало казаться, что все, что происходит со мной по ночам, это просто галлюцинации. Я старалась давать себе больше физических нагрузок, чтобы уставать. Мне казалось, что это может избавить меня от снов, но напрасно я пыталась уйти от них. Сны возвращались и возвращали меня на исходную точку – площадь в центре города. Площадь и памятник говорили мне очень много, и в то же

время не говорили ничего. Я пыталась по возможности не заострять на этом внимание.

После аварии прошло уже около трех месяцев. Осень плавно перешла в зиму, если иерусалимскую зиму можно так назвать, поскольку она скорее похожа на продолжительную позднюю осень. Новый год приходит здесь почти незаметно, без праздничной суеты, просто раньше темнеет, и дни кажутся короче.

Как-то в конце января, вернувшись домой после работы, я включила телевизор и отправилась на кухню готовить ужин. Дело в том, что после аварии я не любила бывать дома одна, и когда так случилось, всегда включала радио или телевизор.

Так было и в этот раз. Готовя салат, я услышала знакомые мелодии Моцарта, которые доносились из салона. Решив прибавить звук, я подошла к телевизору и... увидела площадь и памятник. Это было другое время, более позднее, чем во сне, это происходило сейчас, но это без всяких сомнений была та же площадь с памятником мужчине в плаще.

Я присела на диван, не в силах двинуться. Музыка стихла, и голос диктора объявил, что это была трансляция с традиционного январского фестиваля из Зальцбурга. На экране замелькало что-то другое, а я продолжала сидеть около телевизора, пытаюсь понять, как совместить Моцарта с ночными полетами. Одно я поняла точно: этот город, в который меня отправляют по ночам, действительно существует. И имя ему Зальцбург. И памятник этот, точно так же, как и постройки вокруг, не могли быть мне знакомы, ведь я их никогда не видела.

В тот вечер я приложила все усилия, чтобы пойти спать как можно позже. Но едва приложив голову к подушке, я сразу оказалась в том городе. Но что-то отличалось здесь от того, что я видела на экране телевизора. Присмотревшись, я поняла, что просто находилась в другом времени. В этот раз мне удалось приблизиться так, что можно было различать людей. Судя по одеждам, это было начало XX столетия. Вернее, не совсем начало. Скорее всего, это было после войны 1914 года. На улицах уже были машины, но еще сохранялись

фиакры. По центру города гуляли женщины в больших шляпах, мужчины в котелках. Небольшие кафе, праздность...

Мое внимание привлекли мужчина средних лет и девочка лет восьми, сидевшие за столиком. Перед девочкой стояла тарелка с пирожными. Девочку я не могла разглядеть, но пирожные видела настолько ясно, что вдруг ощутила приторно сладкий вкус во рту. От девочки у меня запечатались только цвета – бордовые пальто и бант, светлые волосы. Волосы цвета спелой пшеницы. Мужчина и девочка о чем-то тихо говорили. Вокруг них шла привычная, обыденная жизнь. Я почувствовала себя сторонним наблюдателем, неизвестно зачем явившимся. Разговор мне был не слышен, но можно было понять по выражениям лиц, что это был обычный разговор отца с восьмилетней дочерью. И вдруг у меня появилось желание исчезнуть оттуда – не видеть, не слышать, забыть...

Проснувшись в три часа ночи, я ушла с книжкой в салон, чтобы не разбудить мужа и чтобы избавиться от сна. Через час мне стало ясно, что я не могу сосредоточиться, что просто сижу с книгой и не понимаю, что читаю. Отложив книгу, я попыталась проанализировать происходящее. В принципе, наверное, ничего особенного, люди испокон веков видели сны – и простые, и вещие. Я читала об этом в ТАНАХе, в других книгах, видела в фильмах. Вроде бы не было повода для страха. Но я чувствовала, что моя память пытается через сны вытолкнуть наружу что-то такое, чего я не помню. И это может лишить меня покоя. И еще я поняла, что эта девочка – часть моего «я». И мне известно, как ее зовут. Это было страшно. Потому что я не слышала разговора и не могла услышать ее имя. И еще потому, что я не знаю ни одного европейского языка, так что, даже услышав разговор, не смогла бы его понять. Оставалось только одно – предположить, что у меня начались галлюцинации, и что надо обратиться к врачу.

Утром, собираясь на работу, я бросила в сумку справочник больницы, еще не зная, обращусь ли к врачу. Я, в общем-то, столкнулась с такой проблемой первый раз и не знала, к какому врачу надо обращаться – к невропатологу, психиатру, психологу... В душе

еще теплилась надежда, что все это пройдет само собой, исчезнет, и жизнь вернется на круги своя.

В итоге я бросила справочник в ящик стола, и так и не назначив очередь к врачу, вернулась после работы домой. Вечер прошел как обычно. В суете домашних дел я сумела отключиться от тревоги, приготовить ужин, поговорить с детьми о школе, с мужем – о работе. Но часов в 11, когда все стали расходиться по комнатам, я вдруг снова почувствовала ледяющий страх. Я вспомнила книги об аутотренинге, прочитанные когда-то, и попыталась убедить себя, что сны ничего общего со мной не имеют, что я далека от них и что они мне больше не будут мешать. Получалось как-то малоубедительно. К часу ночи, переделав всю домашнюю работу, я все-таки отправилась спать. Сон полностью повторился. Но едва приблизившись к девочке, я проснулась, наверное, от страха увидеть в ее лице какие-то знакомые черты. Остаток ночи пролежала без сна с одной единственной мыслью, что, видимо, все-таки надо позвонить врачу. Хотя о чем именно я собираюсь говорить с врачом, мне было непонятно.

Врачу я позвонила лишь через неделю, вконец измучившись от бессонницы. Секретарша в регистратуре сказала, что она может назначить мне очередь через месяц, но есть свободное время на сегодняшний вечер (кто-то отказался придти). Вечернее время было для меня не очень удобно, но перспектива попасть к врачу через месяц была еще хуже. Я согласилась и записала адрес. Позвонив домой и предупредив, что мне надо задержаться на работе, я поехала на визит к психиатру.

В моем тогдашнем понимании слово «психиатр» означало врача, который лечит душевнобольных людей. И я искренне не знала, могли ли я отнести себя к ним. Войдя в кабинет, я увидела седого господина лет шестидесяти. К нему подходило именно слово "господин". Кабинет его мало напоминал врачебный – обычный офис административного работника.

Жестом указав мне на стул, он произнес мои имя и фамилию. "Да", – сказала я и услышала в ответ: "Я вас слушаю".

Мне было сложно начать, и он видел это. Тишина, которая установилась в комнате, начала пугать и мешать. Тогда врач предложил рассказать, что меня привело к нему. Я начала рассказывать про аварию, про картину, которая осталась у меня в памяти, – я рассматриваю себя сверху, про сны, памятник, девочку. Вначале говорить было очень тяжело, казалось, что слова застыли внутри, но потом они стали легко складываться во фразы. Дойдя до девочки, я просто расплакалась. Я никогда не умела плакать, но сейчас со мной случилась форменная истерика. Врач переждал ее, поставил передо мной стакан воды. "Я назначу вам успокоительное, и походите к психологу, все пройдет, – сказал он. – Вы далеки от сумасшествия и от галлюцинаций, так что можете этого не бояться". Он встал, давая мне понять, что визит окончен.

Я вышла на улицу, теребя в руках два листа – рецепт на успокоительное и телефон психолога. Лекарство я купила в ближайшей аптеке и выпила таблетку там же.

Через полчаса наступило какое-то отупение. Я приехала домой с тяжелой головой и ватными ногами. У меня была замедленная реакция на все. Спать не хотелось, но не хотелось и двигаться. Мое тогдашнее состояние трудно объяснить словами. Ночью мне спалось плохо, я не видела конкретных снов, но появилось ощущение страха, и я, проснувшись утром, решила таблетки больше не принимать. Оставался психолог. Но хотя я и желала выйти из этого состояния, и если не могу сама, то с чьей-то помощью, мне не улыбалось, чтобы кто-то чужой копался в моей жизни. В итоге с психологом я созвонилась только через десять дней и еще десять дней ждала первой встречи.

В тот день я предупредила, что задержусь, и поехала к психологу. Внутри у меня все сопротивлялось этому визиту. Я всегда очень осторожно относилась к незнакомым людям. У меня был небольшой и вполне устоявшийся круг общения, который меня вполне устраивал. А уж о том, чтобы излить кому-то душу не было и речи. Поэтому я не совсем представляла, как буду общаться с психологом.

Меня принял мужчина лет 40-45, высокий, худощавый, как говорят, приятной наружности. Расположившись в удобном кресле, я